

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи

Ведьма

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172817

Ведьма: Эксмо; М.: 2007

ISBN 5-699-20104-4

Надежда Тэффи

Ведьма

* * *

Иногда, вспоминая, даже удивишься – неужели были такие люди, такая жизнь?

Иностранцу, само собою разумеется, рассказать об этом совершенно невозможно – ничего не поймет и ничему не поверит. Ну, а настоящий русский человек, не окончательно бывшее забывший, тот, конечно, все сочтет вполне достоверным и будет прав.

Вот расскажу вам сейчас историю, которую слышала от одной очень уважаемой дамы. И ничуть меня эта история не удивила. То ли еще у нас было!

– Было это, – начала рассказ свой моя приятельница, – лет тридцать тому назад. А может быть, и немножко меньше. Жили мы тогда в маленьком степном городке, где муж служил мировым судьей.

И скучное же было место этот самый городишка! Летом пыль, зимой снегу наметет выше уличных фонарей, весной и осенью такая грязь, что на соборной площади тройка чуть не утонула, веревками лошадей вытягивали. Помню, ходила наша кухарка в курень – там булочная курень называлась –

так сапоги выше колен надевала. А раз мы с мужем засиделись в гостях, вышли, а за это время так улица раскисла, что перейти ее никакой возможности не оказалось. Хорошо, что по нашу сторону был постоянный двор – там и заночевали, а утром в телеге нас домой доставили.

Нудная была жизнь.

Чиновники ходили друг к другу в карты играть. Был и клуб, очень убогий. Там иногда какой-нибудь шулер обчищал чиновничьи карманы, так и то праздником считалось. Все-таки хоть печальное, да оживление.

Дамы больше сидели по домам.

Да и куда выйдешь?

Помню, раз брожу я поздно вечером – просто от тоски вышла – луна светит и тихо, тихо... Ни одного огонька в окнах, дышит мутная, лунная степь теплой полынью. И дрожит над тихими улицами истерический птичий вопль – это – мне уже говорили – плачет докторова цесарка, у которой зарезали самца. Плачет цесарка все одной и той же фразой, три ноты в ряд, две тоном выше. Рассказать мне вам трудно, но такой безысходной тоски, как этот плач над мертвым городком, в этой безысходной глухой тишине вынести человеческой душе невозможно.

Помню – пришла я домой и говорю мужу:

– Теперь я понимаю, как люди вешаются.

А он вскрикнул и схватился за голову. Видно, уж очень у меня лицо страшное было...

Жили мы, однако, мирно, семейно. Было мне тогда лет девятнадцать, Валечке моей года полтора. При ней нянюшка, старушонка, потерявшая счет годам, рожденная еще в крепостном состоянии у моей тетки. Квартира была уютная, на стенах в рамках институтские подруги и товарищи мужа по правоведению.

Прислуга в этом городишке была отвратительная. Все бабы пьяницы и табак курили, а по ночам впускали к себе в окошко местного донжуана, безносого водовоза.

Но мне в отношении горничной отчасти повезло. Была она очень тихая, рябая, белобрысая и обладала необычайной способностью находить потерянные вещи.

– Устюша, – спросишь ее, – не видали ли вы моих ключей?

Она минутку подумает, потом решительно пойдет в кухню, принесет метлу, засунет ее под диван и выволочет ключи.

Раз даже так было.

– Помните, – говорю, – Устюша, у меня в прошлом году на туалетном столике все какая-то бархотка валялась? Где бы она могла быть?

Устюша подумала, подошла к креслу, засунула руку между спинкой и сиденьем, пошарила и вытащила.

Все это, конечно, было очень занято и удобно. К тому же она не курила и не напивалась.

С остальной прислугой жила она мирно, но надо отметить, что хотя с ней и не ссорились, но смотрели на нее как-то

точно исподлбья, не то подозревая ее в чем-то, не то побаиваясь. Но кто уже явно враждебно к ней относился, так это наша кошка. Едва Устюша появлялась в комнате, как кошка вскакивала, вытягивалась на лапах вверх, шерсть у нее становилась дыбом, и удирала кошка со всех ног куда попало и забивалась в угол.

– Что, Устинья бьет ее, что ли? – удивлялись мы. Но как-то непохоже было. Уж очень наша слуга была тихая, ходила с опущенными глазами и говорила почтительно.

Все бы хорошо, но надо сказать, что водились за ней странности. Как их назвать, даже и слова не подберешь. Рассеянность, что ли. Например, пошлешь ее за булками, а она принесет петуха. Ну куда нам петуха к чаю?

Позвали раз мы вечером гостей – доктора Мухина и следователя с женами, в винт играть. Все приготовили, ждем.

Вот кто-то как будто позвонил, слышим, Устюша открывает, но, однако, никто не вошел. Потом опять звонок, и опять никого нет. Муж говорит: «Что-то здесь странное». Позвали Устюшу.

– Кто звонил?

– Следователь с барыней да Мухины господа.

– Так отчего же они не вошли?

– А я им сказала, что вы уже спать полягали.

– Зачем же вы так сказали! Ведь вы же знали, что мы гостей ждем и вас за конфетами посылали и кружевную скатерть накрыли!

Молчит. Стоит, глаза опущены, круглая, желтая, совсем репа.

– Зачем же вы это сделали?

– Виновата.

И ничего больше от нее и не добились.

Много раз твердо решали мы ее выгнать, да все боялись, что следующая еще хуже окажется.

Но раз выкинула она штуку совсем уж непростительную. Дело было на масленице, и позвали мы на блины человек пятнадцать. Все было готово, уже начали садиться за стол, как вдруг мне показалось, что маловато будет семги.

Бакалейный магазин был рядом с нами, и я шепнула Устюше.

Устюша живо побежала, а мы принялись за блины. Только, смотрю, подает блины не Устюша, а кухарка.

– Что это значит? – Бегу в кухню.

– А где же Устюша? Чего же она не подает?

– Да она, барыня, подавать не будет. Она в деревню на свадьбу уехала.

– Как на свадьбу? Я ее в лавку послала.

– А она по дороге куму встретила, та ей сказала, что сегодня в деревне свадьбу играют, она сложила узелок да и поехала.

Можете себе представить, как это нас поразило!

Пропадала Устюша ни много ни мало четыре дня. И все это время мы не переставали толковать о ней и возмущаться

этой сверхмерной наглостью.

– Я ей скажу, – сдвинув брови, говорил муж. – Я ей скажу: «Устинья, отвечайте категорически...»

– Ну, вот видишь, – прервала я, – «категорически»... Ты совершенно не умеешь говорить с народом! Я сама ей скажу...

– Ты? Разве ты можешь сделать кому-нибудь серьезный выговор? Ты начнешь хныкать, и все пропало. С ней надо говорить резко. Я скажу: «если ваша функция горничной...»

– А я тебе все-таки советую не ввязываться. С ними надо говорить просто: «Устинья, убирайтесь вон». Вот и все тут.

Долго мы спорили, отстаивали каждый свое право выгнать Устюшу...

Я попросила кухарку подыскать поскорее другую горничную.

– Это зачем же?

– Как зачем? Ведь я же Устинью выгоню. – Кухарка загадочно улыбалась.

– Никогда вы ее не выгоните!

– Почему?

– А потому, что она каждую ночь на вас шепчет, и бумагу жгет, и в трубу дует. Вы ее прогнать не можете.

Посмеялась, рассказала мужу.

– Вот темный народ! Какое безобразное суеверие. А она еще вдобавок грамотная.

Велели кухарке непременно найти новую горничную, а са-

ми все толковали, кто из нас лучше сумеет Устинью выгнать.

– Что это значит, что она бумагу жжет и в трубу дует? – допытывалась я.

– Мало ли у темных людей всяких суеверных пережитков средневековья, – объяснял муж. – Меня только удивляет, что Устинья способна на такой вздор.

– А может быть, просто кухарка наклеветала, чтобы выжить ее и какую-нибудь свою куму рекомендовать?

– Может быть, и так. Но дело сейчас не в праздных догадках, а в том, чтобы, не медля ни минуты, выгнать ее. И это я беру на себя.

– Нет, я беру на себя.

– А я убедительно прошу мне не противоречить.

На четвертый день вечером сидели мы с мужем вдвоем за самоваром. Я вязала, как сейчас помню, Валечке рукавички. Муж раскладывал пасьянс. А на столе сидела кошка и жмурилась на молочник со сливками.

Вдруг кошка вскочила, лапы вытянула, шерсть дыбом, прыгнула со стола и брысь в гостиную. И тотчас портьера раздвинулась и вошла в комнату Устюша. Тихая, круглая, желтая, как всегда. Подошла к мужу, поцеловала его в плечо, потом ко мне, поцеловала меня в плечо, потом повернулась к буфету, взяла какие-то чашки и медленно вышла.

– Так что же ты! – шепнула я мужу.

– Да ведь ты же хотела сама... – смущенно бормотал он.

– Господи! ведь ты же кричал, что непременно сам ее вы-

гонишь! Что же теперь делать? Я теперь уж и не знаю, как мне приступить...

Опять вошла Устюша, спокойная, встала у дверей и спросила:

– Можно прачке вчерашний пирог отдать?

– Можно, – ответила я.

– Можно, можно, – поддакнул муж.

Почему он вмешался, раз он никогда в хозяйственные дела не совался и даже, конечно, ни о каком пироге ничего не знал?..

– Ну, как же теперь быть? – совсем растерялась я.

– Может быть, завтра все это выйдет удачнее... – смущенно бормотал муж. – Ты завтра утром просто скажи ей, что ее услуги нам больше не нужны.

– Почему же непременно я? Скажи сам. Ты глава дома.

И прибавила:

– Вот что значит в трубу дуть, не смеешь ее прогнать.

– Не говори глупостей, – сердито оборвал он и вышел из комнаты.

Так это дело и заглохло. Но ненадолго. Скоро разыгралась у нас такая история, о которой, пожалуй, в городке этом до сих пор вспоминают «не к ночи будь сказано».

Вот не знаю даже – сумею ли рассказать вам эту главную историю нашей жизни в К-ской губернии. Уж очень она странной покажется по нынешним временам.

Так вот, вскоре после Устиньиной отлучки без спросу

неожиданно ушла кухарка. Очень загадочно, вдруг пришла за расчетом. Плела какую-то ерунду, что, мол, хочет отдохнуть в деревне, а сама осталась в городе, и все ее видели.

– Почему она ушла? – спросила я у няньки. – Может быть, ей жалованья было мало, так сказала бы, мы бы прибавили.

– Жалованья ей было очень даже довольно, – ответила нянька. – Эдакого места ей вовеки не найти. Сама говорила, что у такой барыни живи да живи. Масло, мол, не взвешивает, яиц не считает, совсем, говорит, дура барыня. Жить даже очень хорошо.

– Так отчего же она ушла, если жалованьем была довольна? – спросила я, делая вид, что не расслышала последних слов.

– Ушла потому, что вымели.

– Как – вымели?

Нянька подошла поближе и зашептала:

– Укладка у ней в кухне стояла, под ключом. Прошлую субботу полезла за чистой рубахой, глядь, а в укладке поверх всего веник лежит. Ну, она скорей вещи собрала, да давай бог ноги.

– Как же в закрытую укладку веник попал? – удивилась я.

– Вот то-то и оно! Раз уж так ее выметает, так уж тут ждать нечего.

Как я уже говорила, была наша нянька очень старая, и, вероятно, от старости выражение лица у нее было очень мудрое: глаза исподлобья, рот углами вниз. А между тем, дура

она была феноменальная. Говорит, бывало, маленькой Валечке:

– Вот не будешь меня слушаться – уйду к деткам Корсаковым, они свою нянечку любят и ждут.

А детки Корсаковы уже сами давно от старости из ума выжили. Один – генерал в отставке, другой за разгул под опеку взят.

И любила нянька всякие страсти.

Как-то рассказывала, что собственными глазами видела водяного.

– Жила я у вашей тетеньки и пошла с Лизанькой утром к речке гулять. Вдруг слышу, ухнуло что-то, будто из пушки выпалило, и вся вода ходуном пошла. Хорошо, что со мной младенчик был, ангельская душенька и меня сохранила, а то бы водяной обязательно в речку утянул.

Я потом спрашивала у тетки, что это за история.

– А просто кучер купался, – сказала тетка. Много нянька вообще всякой ерунды плела, но на этот раз факт налицо: кухарка ушла из-за веника.

Рассказала я всю эту историю мужу. Тому было досадно, что хорошая кухарка ушла.

– Наверное, это Устиньины фокусы. Давно следует ее выгнать. Я с ней на днях поговорю. Надоела она мне.

– Да и мне тоже, – сказала я.

Так почти и порешили – Устинью гнать.

Только вот ушел как-то муж вечером в клуб, а я сидела у

себя в спальней, собираясь спать ложиться. И помню, было у меня что-то на душе беспокойно. От того ли, что ветер в трубе выл – такая весна скверная с метелями, со снежными заносами – ужас.

Воет ветер, стучит заслонкой – тоска!

И вдруг входит нянька. Лицо мудрое, губы сжаты...

– Господи! Нянюшка! Что случилось?

А она подошла поближе, оглянулась, да и говорит:

– Барыня, а барыня, вы в столовую вечером не заходили?

– Нет, – говорю, – не заходила. А что?

– Ну, так пойдите, посмотрите, что у нас там делается. А я, воля ваша, больше в этом доме не останусь.

Очень удивленная, пошла я за нянькой в столовую, остановилась у дверей. Ничего – комната как комната, над столом лампа горит.

– Да вы на стулья посмотрите – аль не видите? Смотрю – стоят стулья вокруг стола, странно стоят: спинками к столу, сиденьем наружу. Вся дюжина так поставлена.

– А этот, смотрите, тринадцатый, как сюда попал?.. – Смотрю – и правда, стоит отдельно около узкого края на хозяйском месте какой-то ковровый стулик, совсем мне неизвестный...

– Что же все это значит? – Нянька зловеще молчала.

– Может быть, это Валечка играла?.. – сказала я.

– Это полуторагодовалый ребенок такие тяжелые стулья станет двигать! Выдумали тоже!

Я совсем растерялась. Может быть, теперь смешно покажется, но тогда, уверяю вас, было очень жутко. Комната вдруг показалась совсем незнакомой, и лампа как будто как-то странно горит. И этот тринадцатый стул, бог знает откуда взявшийся...

Говорю робко:

– Нянюшка! Может быть, лучше стулья на место поставить?

Она даже испугалась:

– Ой, что вы это говорите! Да разве их можно теперь с места сдвинуть! На ем на каждом сам посидел.

– Нянюшка! А зачем же все это сделано?

– А затем, что нам отсюда всем поворот показан.

– Поворот?

– Да, от ворот поворот, вот бог, а вот порог. Поворачивайте, и вон отсюда!

– Нянюшка, милая, а Валечка что? Валечка спит? – с ужасом спрашиваю я.

– Валечка спит. А с вечера молочка просила, – зловеще ответила нянька и, помолчав, прибавила: – А когда у Корсаковых Юшенька помирал, так все чаю просил.

Тут уж я ждать не стала. Бросилась в переднюю, схватила с вешалки шубу и побежала в клуб за мужем.

Нервы были так напряжены, что, когда из-за забора тявкнула на меня собака, я взвизгнула и пустилась бежать. От страха все дома казались незнакомыми, и я чуть не заблуди-

лась в наших четырех улицах.

Добралась до клуба, вызвали мне мужа.

– У нас в доме неладно, – лепетала я. – Стулья перевернуты... Тринадцать... Няня говорит, что надо сейчас же съезжать, Валечка просила молока.

Тут я заплакала.

Муж слушал с ужасом и ничего не понимал.

– Подожди минутку, – сказал он наконец. – Я сейчас посоветуюсь с исправником.

– Скорее! – кричу ему вслед. – Дома ребенок один остался.

Вышел ко мне исправник. Я пролепетала ему все, что знала. Муж смущенно посматривал, бормотал ерунду про дамские нервы, но исправник отнесся ко всему очень деловито, покряхтел и заявил, что пойдет сейчас же вместе с нами и выяснит дело на месте.

Исправник наш был старый опытный взяточник, человек приятный, любил пожить и жить давал другим.

Пошли вместе домой. Я, чувствуя себя под двойной защитой супружеской любви и закона, немного успокоилась. Исправник расспрашивал по дороге о нашей прислуге. Мы отвечали, что кухарка в комнаты не входит, горничная живет уже больше года, а нянька вообще вековая.

Вошли в дом, открыли дверь в столовую.

Я, хоть и была под двойной защитой, сразу опять поддавалась прежнему впечатлению.

Исправник постоял на пороге.

– Все здесь оставлено в неприкосновенности?

– Да, да.

– Мм... Это хорошо, что вы ничего не трогали. Попросите сюда прислугу. По очереди.

Приплелась нянька. Лицо мудрое.

– Ну, старуха, показывай все, что знаешь по этому делу.

К удивлению моему, нянька вдруг от всего отперлась.

– Знать ничего не знаю и ведать не ведаю. А только в столовую вы меня никакой силой войти не заставите.

Исправник посмотрел на нее с уважением и велел позвать следующих.

Пришла сонная кухарка, ответила на все «а мне ни к чему», с ударением на «о», икнула и ушла.

Потом вызвали Устинью.

Исправник приосанился, налетел орлом.

– Эт-то что у вас за безобразия? Зачем ты стулья перевертила?

Устинья стояла, поджав губы, опустив глаза.

– Я ничего не трогала, со стола прибрала и пошла на кухню.

– А тринадцатый стул откуда? Отвечай, шельма!

– Ничего я не брала и ничего не знаю.

– Ну это мы сейчас увидим! Нет ли у вас где-нибудь земли? – обратился он к мужу.

– Мое личное имение в Могилевской губернии, – расте-

р्यानно отвечал тот.

– Да нет, я не про то... Да вот иди, шельма, сюда. – Он схватил Устинью за локоть и потянул к кадке с фикусом.

– Вот. Бери, ешь землю, если не виновата. – Устинья покорно взяла щепотку земли и пожевала.

– Тэ-эк! – одобрил исправник. – Можешь идти. – Устинья спокойно вышла.

– Ну, раз она на своей правде землю ела, значит, она вне подозрения. Тэ-эк. Теперь я вам пришлю городского, пусть у вас в передней переночует. Если чуть что – сейчас же дайте знать в полицию. А теперь разрешите приложиться к ручке и прошу ни о чем не беспокоиться. И не в таких переделках бывали.

Ушел.

Остались мы вдвоем и не знаем, что делать. Зашли в детскую. Валечка спит. Нянька лежит на спине и точно муху с губы сдувает – значит, тоже спит.

– Хочешь, заглянем в столовую? – говорю я.

– К чему? Что за смысл? – Вижу, не хочется ему.

Пошли спать. Света, однако, не гасили. Я уже задремала...

– Не кажется ли тебе, что кто-то по столовой ходит? – спрашивает шепотом муж.

– Н-не с-слышу! – шепчу я.

Он сидит на постели, весь насторожился. И вдруг под окном что-то стукнуло.

– Кто там? – с ужасом, с визгом завопил муж. – Кто там?

Я стрелять буду!

В ответ что-то стукнуло...

– Молчи, ради бога! – говорит муж. – Так можно совсем голову потерять.

Он встает, гасит лампу, тихо подкрадывается к окну, отодвигает занавеску, смотрит.

– Там кто-то стоит! – шепчет он прерывающимся голосом.

И вдруг дверь открылась и что-то косматое заглянуло в комнату.

Я с криком вскочила.

– Это я! Это я! – шамкает нянька. – Круг дома ходит. Сам ходит. Теперь нам конец.

– Кто? Зачем?

– Видно, ужинать-то его позвали на ковровом-то стуле, а дверь я с молитвой закрыла, ему и не войтить!

– Тише, тише! – шепнул муж. – Звонят! – Действительно, кто-то тихонько позвонил. И еще раз. Мы тихо пошли по коридору.

Опять звонок!..

– Кто там? – крикнул муж. – Я стрелять буду!

– Вау, вау... – отвечают за дверью, не разобрать что. Потом разобрали «благородие», «исправник». Слова успокоительные.

Муж приоткрыл дверь. Городовой!

– Господин исправник прислали дежурить.

– Чего же ты кругом дома ходишь, болван!

– Да не смел звонком беспокоить. Постучал в одно окошечко, а там старушка меня закрепощивать начала. Постучал в другое, а там какая-то баба визжит и стрелять в меня обещает, ну я и решил позвонить.

– Входи, входи, голубчик, – сказал муж. – Дайте ему водки, пусть согреется.

Ему, кажется, очень неприятно было, что этот дурень принял его голос за бабий визг.

Утром муж разбудил меня и говорит:

– Конечно, все это ерунда, все эти нянькины «отвороты», но раз ты так нервничаешь, то лучше всего собирай скорее вещи и поезжай с няней и Валею к твоей маме. Ты ведь давно хотела. Прислугу я отпущу и поеду погостить к предводителю – он еще вчера в клубе умолял. А к тому времени освободится докторова квартира – гораздо лучше этой – туда и переедем. Между прочим, ковровый стулик из передней, он там в углу стоял, мы о нем и забыли. Но это, конечно, дела не меняет, и раз тебе непременно хочется ехать к маме, так и поезжай.

Сам он хотя и не нервничал, но все что-то топтался на одном месте и кусал усы.

– Я вовсе не нервничаю, – ответила я. – Я не какая-нибудь суеверная баба, я интеллигентная женщина. Но так как няня ни за что не хочет здесь оставаться, а я ею очень дорожу, то мне ничего не остается, как уехать. А дверь в столовую пока что лучше бы запереть... Я, конечно, не боюсь... но...

– Я ее еще вчера на ключ запер, – ответил муж. Хотел еще что-то прибавить, покраснел и замолчал.

Теперь, когда я все это вспоминаю, то думаю, что, вероятно, Устинья, прибирая вечером столовую, забыла поставить стулья на место, а когда увидела, что из этого получилась целая история с вмешательством полиции, конечно, испугалась и не посмела признаться.

Однако, если бы я была суеверной, то, пожалуй, подумала бы: все-таки глупо это, а тем не менее ведь «поворотило» же нас из этого дома, поворотило и выгнало. Как там ни посмеивайся, а ведь вышло-то не по-нашему, по-разумному и интеллигентному, а по темному нянькиному толкованию...

Квартира наша целый год пустовала, никто в ней жить не соглашался. Потом сняли ее под почтовую контору.